

Коротко стриженный, с бурыми пятнами среди глубоких морщин, Матвей Данилович походил на идола из потемневшего, растрескавшегося дерева. Праздничная рубашка была аккуратно заправлена в поношенные спортивные штаны. Пожилому имениннику во главе праздничного стола исполнялось девяносто семь. Столетие измотало старика. Можно было подумать, что ему надоело пребывать на этой земле, он говорил медленно и неразборчиво, как человек, мечтающий поскорей улечься в постель и забыться сном:

— Кажипусьводкинальет, — сказал он дочери.

Сорокалетний внук, посмеиваясь, исполнил просьбу, затем подлил в рюмку себе и встал, чтобы произнести тост. Без внука весь праздничный вечер погрузился бы в молчание, поэтому он был вынужден исполнять роль тамады. Молчание за столом шло вразрез с его представлениями о хорошей семье.

— Словарь Даля определяет юбилей как, — он достал

шпаргалку и зачитал, — «празднество по поводу протекшего пятидесятилетия, столетия, тысячелетия...»

— Скажи громче, — перебила дочь, устало пожала плечами и кивнула в сторону виновника торжества — слух Матвея Даниловича поколебала стальная поступь двадцатого века.

— Так вот, дед, — вскрикивая, продолжил внук, — первый рубеж давно и успешно преодолен, через второй вот-вот так же по-царски перемахнешь. Остается третий. Да и он для тебя — раз плюнуть. Чтобы тысячелетие тоже осталось позади! — завершил он поздравление и протянул рюмку к имениннику. Тот безучастно глядел в свою стопку.

— Семяврукавце... Непрусски, ё, — глухо шептал старик.

Бездействие затянулось. Внук сам чокнулся с рюмкой деда, стоявшей на столе. Выпили и приступили к еде. Перед Матвеем Даниловичем поставили тарелку с праздничным блюдом:

— Паста карбонара, — громко объявила сноха.

— Пусьхлебадас, — опять через дочь попросил именинник.

Внук достал корочку себе и поднес блюдо с хлебом к деду.

— Вкусно, Матвей Данилович? — спросила сноха.

— Скажи, вкусно? — погромче повторила дочь. Не любовь и не только долг вынуждали ее ухаживать за дряхлеющим отцом. Она надеялась подать пример собственным детям. В силу возраста она понимала весь ужас такого медленного умирания, которое без заботы хуже смерти. Будущее пугало ее.

— Ничегомакароши... Пусьещеводкинальет.

Внук послушно наполнил рюмку старику и немного обновил свою, не замечая насмешливо-высокомерных взглядов супруги — она считала нелепым есть макароны с хлебом. Для внука это было естественной детской привычкой.

На колени к Матвею Даниловичу не вскочил, а взгромоздился черный мохнатый кот с седой мордой.

— Тихонкотофеич... Маленькигосподин, — кот Тихон, которого язык не поворачивался называть Тишкой, по кошачьим годам был не моложе именинника. — Висегоднякаколадушек.

— Тишка, Тишка, кис-кис-кис, — внук поманил кота, но тот

не шелохнулся. — Мама, купили алтайского меда, сегодня за-
был, но на следующей неделе вам с дедом завезу.

— Удедупасекбыла, — произнес Матвей Данилович.

— Пасека была у вашего деда? — переспросила сноха.

Пожилой именинник кивнул (или вздохнул), а его дочь тем
временем пояснила:

— Прадед приучил папу с детства есть ложку меда нато-
шак. В этом, наверное, секрет его долголетия. Впрочем, он
еще не курил никогда.

— Тепертомедбадяжают... Пчелажалядруга... Надопил-
осыпать... — Матвей Данилович оживился и шептал с частыми
передышками, неразборчиво, как оракул, прозревающий про-
шное. — Семявсявокругдеда... Онводержал... Померазвалило-
все... Батюколчакувел...

— Матвей Данилович говорил о пчелах? — спросила сноха
свою свекровь.

— Иногда пчелы ни с того ни с сего нападают друг на друж-
ку, жалятся, гибнут — что-то вроде пчелиной гражданской во-
йны. В таких случаях пасечники сыпят опилки в улей. Пчелы
так чистоплотны, что они бросаются чистить улей, а про враж-
ду забывают.

— Моя семья добавит еще кое-что, — обратился внук к су-
пруге и сыну.

Сноха поднялась со стаканом сока:

— Матвей Данилович, мы вас поздравляем от всей души
и приготовили вам маленький сюрприз... — она прекратила
кричать и из пакета, спрятанного за креслом, достала ноутбук
с остроумно приклеенным бантиком, но запустить устройство
не смогла. — Сережа, помоги.

Правнук Матвея Даниловича пребывал в самом разгаре ка-
призного превращения из мальчика в мужа. В родительском
поведении почти все казалось ему конченным мещанством, по-
этому на обращения такого рода и самую компанию родителей
он отзывался раздраженно, нетерпеливо и малословно. Пра-
дедушкино угрюмое молчание, напротив, приходилось ему
по душе.

Мальчик включил ноутбук. Матвей Данилович недоверчи-

во нахмурился. Внук вновь повысил веселый голос:

— Приготовься к поздравлениям от иноземцев, — и подал своему сыну команду. Не обремененный ежедневным уходом за больным стариком внук одной ногой вязнул в прошлом и восхищался дедом, как только может внук, росший без отца. Даже когда дед не узнавал его или называл не тем именем, он не обижался и думал только, что в девяносто семь лет оно простительно. Более того, внук все еще стремился заслужить одобрение старика.

Через полминуты технического колдовства на мониторе возник размытый женский силуэт.

— Четче нельзя? — спросила дочь.

Правнук отрицательно мотнул головой.

Силуэт задвигался, и голос с едва уловимым акцентом воскликнул:

— Дед! С днем рождения! У меня потрясающая новость!

— Папа, поздоровайся с Настей.

Матвей Данилович кивнул изображению и как-то недобро ослабился.

— Оля, моя дочка, твоя правнучка, вот только вчера родила сына Свена. Ты теперь прапрадедушка.

Новость была венцом всех праздничных сюрпризов для старика, но он свой переход в легендарный статус воспринял достаточно бесстрастно:

— Свин? — переспросил он.

— Свен, — радостно повторила внучка.

— Ивантолучше, ё, — заключил живой прапрадед.

Застать правнуков больше не считается чем-то из ряда вон выходящим, но застать в подлунном мире праправнуков — это удел богов. За Свена, праправнука Матвея. И за Матвея, прапрадеда Свена. Такой тост поднял внук, и его поддержали два государства.

— По телевизору говорят, что в Скандинавии папу с мамой теперь надо называть родитель номер один и родитель номер два. Скажи, неужели правда? — беспокоилась новоиспеченная прабабушка.

Матвей Данилович перестал прислушиваться к беседе и на-

чал дразнить макарониной равнодушного Тихона, пришептывая: «Тишкалюбитпышки».

— Может быть, в Швеции. Вот у нас в Дании говорят о шведах, что подобными заскоками они всю Скандинавию выставляют идиотами.

— Нормально? «У нас в Дании...» Пятнадцать лет там, и уже забыла откуда родом, сестра? — смеялся внук.

Старик завис над тарелкой — ему не было смешно.

— Путьещеводки... Гамлет, ё...

Внук расторопно схватился за бутылку и потянул пробку, но дочь остановила:

— Ему больше водки не наливай. Он спать не сможет.

Рюмку наполнили простой водой.

— Какой малыша вес? — спросила сноха.

— Вот почти пять килограмм, — делилась счастьем датская внучка, — а рост шестьдесят сантиметров!

Внук ликовал:

— Богатырь! Слышал, дед? Русская порода! Датчане такими не рождаются.

— Эй, вот датчан обижать не нужно.

— Как молодая мамочка себя чувствует? — спрашивала сноха.

— Вот прямо отлично, словно рожала не в первый раз. Груши вот просила завезти, но в магазине все деревянные.

— Ну откуда в Скандинавии взяться приличным грушам? — внук не унимался.

— Здесь бывают вкусные, просто сейчас вот не сезон, — внучка защищала новую родину даже в таких мелочах.

Как и дед, внук не мог простить сестру. «Это отказ от памяти прошлого, от языка и традиций, от семьи, от всего русского», — считал он. «Это просто зависть», — думала про него жена.

— Erdetdin bedstefar?¹ — прозвучал голос с датской стороны.

---

¹ Это твой дедушка? (дат.)

За внучкой возникло непримечательное мужское, но явно иностранное лицо в очках:

— Happy birthday, grandfather! Hi, everyone¹.

— Han forstar dig ikke alligevel², — перебила внучка датского мужа.

— Йенс, хай, — улыбалась сноха чужестранцу.

Матвей Данилович, придерживаясь за стол, поднялся и медленно пошаркал тапками к своей спальне. Он прикрыл за собой дверь и в темноте присел на краешек кровати. Со стенки чеканили время невидимые часы. Часы шли по кругу, а время вперед. Ход стрелок напоминал старику свист косы, он устало шепнул:

— Смерть... Вжикпшик, ё.

Следом за косой то ли гаснущая память возродила картину из детства, то ли он задремал и увидел сон.

Изба под Иркутском. Нетесаный стол, за которым сидит его дед. Рядом с ним его сыновья. Слева Данила, отец. Едят. Восемь сыновей. И ни одной дочери! Трех убили на Первой мировой войне. «Казерубил», — востропел Матвей Данилович. Четверых, в том числе Данилу, мобилизовал Колчак, и все они канули без вести. Судьбы старика, кайзера Вильгельма и адмирала Колчака были связаны... Лица у всех, кто за столом, в дыму, неясные, только от деда осталась в памяти длинная, извитая борода. Как деда звали?

— Батютоданила, ё... Дедакак...

Самый маленький, дядя Егорка, был младше Матвея Даниловича. Он погиб в Великую Отечественную.

Треугольник света вонзился в комнату и погас.

— Тишатыкис... Больномеусталдин, ё.

— Нет, это я. Скажи, ты чего ушел? — спросила дочь над самым ухом Матвея Даниловича. — Ты ведешь себя, как ребенок.

— Идигутыдания, ё.

Дочь заговорила мягче и тише:

---

¹ С днем рождения, дедушка! Привет всем. (англ.)

² Он тебя все равно не понимает. (дат.)

— Ты опять злишься, что Настя уехала? Пятнадцать лет прошло.

— Как безвины, ё.

— Они выросли, мы постарели. Скажи, с чего им слушаться стариков?

— Дедвотежовой рукавице... Держал детей внуков, — Матвей Данилович остановился перевести дух. — Померзвалилосе... Батю колчакувел, ё.

— Так времена изменились, — она взяла отца за руку. — Пошли. Не будем обижать свою семью. На, возьми очки. Скажешь, ходил за очками.

Ее задели проблески нежности отца к дряхлому коту. Хоть одного такого проблеска заслужила она.

Матвей Данилович вернулся за стол. Беседа в его отсутствие не прекращалась. Он надел очки и этим привлек к себе внимание.

— Дед, как твои дела? Как твое самочувствие? — спросила внимательная внучка.

— Кажинормально, — увеличенные стеклами глаза смотрели поверх окошка в Скандинавию.

— Тебе прислать, может быть, лекарства? Вот вдруг у вас там чего-нибудь нету...

— Настенька, ничего не надо, — оборвала дочь.

— Ладно! Безумно рада была вас всех видеть! Целую! Дед, еще раз с днем рождения. До связи! — послав воздушный поцелуй, внучка исчезла с экрана.

— Подарок, дед, — прокричал внук, осторожно поглаживая пальцами ноутбук. — Как захочешь, сможешь включить с Данией телемосты.

— Если что, Сережа обучит, — прикрикнула сноха.

— Большое спасибо, — горячо, но сдержанно благодарила дочь. При всей любви к детям она не могла побороть чувства отчуждения. Ее время как будто остановилось. Для взрослых детей время продолжало рваться вперед. Она очень устала.

— Потрепались, ё... Дания... — ворчал Матвей Данилович.

Напоследок правнуку дали слово:

— Дедушка Матвей, за тебя! — отчеканил правнук и быстро выпил стакан сока. Правнук вспомнил, как в зоопарке он оказался у террариума, и от змеиной вони ему стало тошно, жутко и невыносимо. От прадеда исходил запах то ли близкой смерти, то ли лекарств, мочи и пота... Вновь перехватило дыхание, к горлу подступил ужас, захотелось поскорее выбежать из-за стола.

Дочка со снохой понесли грязные тарелки на кухню, где шипел и булькал закипающий чайник. Расставили чашки и блюдца, вслед за сервизом посреди стола появился торт... Матвей Данилович обернулся к дочери, несущей нож:

— Ленусянадо... Писатнанегостыдаколькогрех, — тихо сказал он.

Сноха стала накладывать куски торта на блюдца, внук взялся за чайник. Из уважения они делали вид, что ничего не замечают.

— Ты путаешь. Лена — мама. Она умерла, очень давно.

Как раз напротив правнука на стене висел парный фото-портрет. Простейший способ удивить молодежь — показать ей фотографии молодых стариков. Прадед, серьезный, коренастый и уса́тый, в плохо сидевшем пиджаке и без галстука, придерживал под руку симпатичную девушку в скромном платье. Она умерла до его рождения, но правнук сразу почувствовал близость и сходство с ней.

— Ленусязавод... Непускаетвойну... Стыдобаневымоюсь, — жалобно шептал Матвей Данилович. Хотя, если бы не бронь от призыва, вряд ли бы семья собралась за праздничным столом пить чай и чествовать прапрадеда.

— Папа, ты устал. Пора ложиться.

Матвей Данилович взглянул на нее, точно спросонья, медленно сжимая кулак:

— Какговоришьсотце, ё...

Завершение торжественного вечера оказалось скомканным. Недоеденный торт отнесли на кухню. В прихожей все еще раз поздравили Матвея Даниловича. Именинник слабо пожал руки внуку и правнуку, и гости ушли.

— Папа, пойдем, надо мыться. Десятый час, — сказала дочь,

когда они остались наедине, и споткнулась о кота. — Тьфу-ты, Тихон, темное создание...

Просыпается Матвей Данилович изо дня в день с чувством привычной боли. Ноют колени, слезятся глаза, колет в боку. Очень хочется в туалет. На всякий случай на него надет взрослый подгузник, но из вредности и от недозабытой гордости он сгоняет с одеяла Тихона, спускает ноги в тапки и дошаркивает до уборной. После выходит в зал делать зарядку. Он разводит и сводит руки, точно хочет громко хлопнуть. Сгибается в попытке достать кончиками пальцев пола, но пальцы не опускаются ниже колен. Появляется заспанная дочь, которая, ругаясь на второй час, укладывает старика обратно в постель. И все повторяется до трех раз за ночь.

По лестнице спустились молча. Только в машине, заведя мотор, сноха сказала:

— Матвей Данилович впадает, похоже, в детство...

— Жизнь-то никого не щадит, — ответил внук. — Хотя дай бог каждому сохраниться настолько в девяносто семь лет.

— Не поспоришь, — вообще сноха считала, что жизнь после восьмидесяти (ну хорошо, после восьмидесяти пяти), одолевая болезнями и слабоумием, есть достойное уважения, но все же недоразумение.

Внук взглянул через зеркало на своего сына:

— Эх, Серж, знал бы ты прадеда лет еще двадцать назад...

Наверняка Свен вырастет в образцового датского господина, белокурого, доброжелательного и говорящего по-русски лишь «zdravstvuite» и «spasibo», да еще «nazdorovie» как тост перед рюмкой датской водки. Внук попытался представить себе встречу повзрослевшего Свена с прапрадедом. Матвей Данилович не почувал бы в чужаке-европейце родной крови.

Да и праправнук вряд ли бы признал своего предка в дряхлом русском старике в рубашке и поношенных тренировочных штанах. Может быть, они бы нахмурили только одинаковые кустистые брови, разглядывая друг у друга удивительно похожие носы.

Хотя не исключено и то, что однажды солидного датчанина корни притянут в Россию, в бесконечные стужи Сибири,

и, выгадав время, он посетит зимнее кладбище. Там с превеликими трудностями Свен разыщет могилы далеких близких покойников, в молчании возложит на снежные холмики по паре вялых гвоздик и по-датски подумает что-нибудь русское...